

КСЕНИЯ ГОДУНОВА

Часть первая

I

В 1603 году бабье лето в Москве стояло сухое, теплое. Дома утопали в зелени садов, паутина летала в воздухе и обещала хороший сентябрь. По случаю ясной погоды много любопытных толпилось в Кремле, на площадке перед дворцом и у постельного крыльца. Утро давно началось, было девять часов, когда туда же пришел пожилой боярин в высокой шапке и дорогом кафтане. До самого крыльца его провожали слуги. Знаком руки он велел им остаться и ждать его, а сам взошел на верхний рундук. Входил он неторопливо, важно, на верхней площадке остановился, постоял, а потом решительно вступил в сени. Тут в небольшой комнате в три окна было уже много народу. Увидев входившего боярина Богдана Бельского, ожидавшие посторонились, отвесили ему низкий поклон, но он едва посмотрел на них. Недовольные не поскупились своими замечаниями:

— Ишь, куражится-топорщится! Он и взаправду думает, что сам Сатана ему не брат!

— Глянь-ка, до него с земли и шестом не достанешь! Ишь, вздулся, как тесто на опаре!

— Не те нонче времена, погуляли Бельские, да и будет! Не в чести они у царя Бориса Федоровича.

— Фу-ты ну-ты боки вздуты! — сказал один и, подпершись руками, прошел козырем.

В сенях засмеялись.

Боярин не слышал обидных замечаний. Он прошел дальше и неторопливо снял верхнее платье, долго расчесывая и оправляя свою длинную черную бороду и густые непокорные волосы. Затем он медленно прошел через следующую комнату в три окна и вышел в

другую, где сидело уже несколько бояр в ожидании выхода царя. Увидел здесь Богдан Бельский Федора Ивановича Мстиславского, который приветливо улыбнулся ему и тотчас же добродушно заговорил:

— Что, боярин, позамешкался? Понедужилось аль больно притомился с дальней дороги?

— Утомился, сильно утомился, больно гнал в Москву, торопился, думал: веселую свадебку сыграешь без приятеля. Я-то тут, да вот, кажись, опять ничего не слышать о твоей женитьбе?

— Правда твоя, боярин, правда! Опять дело не сладилось, зато теперь уж батюшка-царь сам обещал сосватать мне невесту, вот я и жду.

— Эх, доброта ты доброта! — как бы про себя заметил Бельский.

Мстиславский был действительно человек замечательно добрый, которого трудно было вывести из себя. По смерти царя Федора Ивановича он, старейший из бояр, был единственным, не желавшим престола. Он был очень богат, от природы ленив, а благодаря своему высокому положению жил холостяком. Царь Борис Федорович боялся, что его потомки могут быть соперниками его собственным во владении престолом и поэтому каждый его выбор невесты то по тем, то по другим соображениям не одобрял, находя разные неудобства, а Федор Иванович добродушно покорялся.

— Брал бы ты себе за образец Василия Ивановича Шуйского, покорился бы отказу и не утруждал царя больше просьбами,— сказал ему Бельский.

Шуйский не чета был Мстиславскому; он тотчас понял намек и лукаво-добродушно заметил:

— Батюшка-царь, яко добрый отец, о нас же, его недостойных холопях, печется. Наш черед настанет, вот отпразднуем царевнину свадьбу, тогда попируем и на наших, боярских.

Бельский был не в духе и, посмотрев на него сердито, сказал:

— Вот что разумно, так разумно, боярин, неспроста ты это слово молвил. Да только вот что ты запомятовал: больно пригожа княжна Буйносова, в девках не засидится, царевниной свадьбы ждать не будет. Надо поспешать, а то и близок локоть, да не укусишь: живо станет под венец с другим.

Шуйский, услышав это, сильно заморгал всегда слезившимися красными глазами и, отвернувшись от Бельского, тихо стал говорить с Семеном Годуновым. Неприятны ему были слова, сказанные о княжне.

Только для виду помирился он с запрещением ему жениться, а очень тяжело ему было отказаться от красавицы Буйносовой-Ростовской. Знал он ее давно, мечтал жениться на ней, сильно любил ее. Да и времени терять не хотелось ему, ведь немолод он.

В этот разговор вмешался князь Шестунов, безвредный болтун, любивший поесть, выпить, но не способный ни на какой подвох. Услышав о свадьбах и пирах, он не понял ядовитого замечания Бельского и, по привычке, быстро заговорил:

— Давно пора вам жениться. За невестами дело не станет: добра этого непочатой угол. Вот тогда авось расщедрился бы боярин Шуйский! После его угощения у нас в головах бы трещало, в ушах бы шумело! Застоялось вино старое, заморское в его погребах — давно пора осушить бочки...

Все эти бояре ожидали выхода царя Бориса Федоровича Годунова, пригласившего их «посидеть о государевом деле». Кроме старых бояр были еще вновь возвышенные и находившиеся в близком родстве к царю два Годунова, конюший Дмитрий Иванович да дворецкий Степан Васильевич. Был еще заведующий Аптекарским приказом Семен Никитич Годунов. Важную роль играл и Дмитрий Иванович Шуйский, он приходился свояком царю. Вошли они позже других и приняли милостиво низкие поклоны старых бояр; по своему высокому положению они заняли места ближе к царскому креслу. На скамьях, покрытых рудо-желтым сукном, перед столом, тоже покрытым, разместились все бояре.

Появление двух рынд указало и на скорое прибытие царя.

II

В то время как бояре сидели в комнате и ожидали выхода царя, Борис Федорович был на женской половине и наедине беседовал с женой и детьми. Годунову было в то время пятьдесят лет. Голос у него был льстивый, мягкий, глаза, обыкновенно внушавшие страх, здесь, в семье, смотрели ласково.

И любил он семью как лучшую часть самого себя.

Как только ушли провожавшие его, он ласково поздоровался с женой и особенно нежно расцеловал свою красавицу дочь.

— Аксюша, дитя мое, скоро исполнится наша заветная дума,— сказал он, целуя дочь.— Дожили мы до того, что и нам дает Бог участие и мы увидим нашу дорогую голубку под венцом.

Жена его Марья Григорьевна радостно спросила:

— А разве жених уже близко?

— Да,— сказал царь,— сегодня приехали посланные и привезли известие, что и сам королевич торопится — просит везти его скорее.

Царевна знала, что взоры всех обращены на нее, и скромно опустила глаза. Сердце ее сильно билось. Она привыкла уже к мысли, что жених придет скоро, а тут примешивалось еще и сильное любопытство, каков-то этот человек. Ведь он один последнее время занимал не только ее, но и все их семейство, только и разговора было, что про него.

Тринадцатилетний Федор обратился к отцу с просьбой сказать, что ему еще пишут о королевиче.

— Вот что пишет мне Михаил Глебович Салтыков: «В новолетие королевич сказал: я знаю, вы в сей день празднуете Новый год, все желают многолетия государю, и я также усердно молюсь: да здравствует он! Потом спросил вина и стоя пил царские чаши».

— Батюшка, скорей бы он приезжал, верно, он добрый, хороший, и я полюблю его,— быстро сказал Федор.

Марья Григорьевна, любуясь Ксенией, сказала, вздохнув:

— Чем-то Господь взыщет, вознесет нашу голубку? Сросшиеся брови ведь у нее, сулят они ей счастье.

Мать и отец с восторгом смотрели на дочь и думали: как не полюбить такую красавицу разумницу?

Она была роста среднего, полна, стройна, очень бела; ее густые длинные волосы локонами лежали по плечам; лицо свежее, румяное, союзные брови придавали ему строгое выражение; глаза большие, черные, блестящие, замечательно красивые.

С добрый час оставалась вся семья вместе, и, видя Бориса, окруженного детьми, невольно думалось, как мог бы он быть счастлив, если бы не честолюбие. Сильно не хотелось царю оставлять терем, но, вспомнив, что бояре ждут, он ушел. Как только удалился он от жены и детей, взгляд его переменился, лицо приняло обычное грозное и суровое выражение. Мысли его теперь были заняты уже не счастьем любимого детища, а тем, как неприятно будет его врагам, как досадно будет Бельскому, Шуйскому его родство с сильным государем.

Ксения и Федор думали о королевиче Иоанне без всякой примеси отцовского честолюбия и наедине припоминали подробности письма. Ксении приятно было восхищение брата удалью и ловкостью королевича.

Царевну занимала мысль: так ли он красив, как смел и храбр?

Ей шел двадцать первый год. Все ее подруги были уже замужем, и воспитание готовило ее к тому же; выбор был один — замужество или монастырь.

Подруги рассказывали ей о счастье то одной, то другой, а Ксении благодаря своему высокому положению приходилось долго ждать своей очереди; для нее не было жениха-ровни — и вот наконец-то и она невеста.

К царице по уходе царя собрались постельницы, богомолицы, и все углубились в рассматривание рукоделья. Дело это было трудное: лежали целые вороха белья, по несколько десятков было впялено одних стеганых одеял.

— Жених скоро прибьет, — шепотом передавалось в мастерской.

Узнав о скором прибытии жениха, весело заторопились, закопошились швей, зашумел весь этот людской муравейник.

III

Борис, поддерживаемый под руки двумя окольными, важно и медленно вошел в комнату, где сидели бояре. Те быстро вскочили и низко поклонились ему, касаясь рукой до земли.

Дьяк Щелкалов поместился позади царского места и ждал приказаний. Годунов обвел присутствующих взглядом, и едва заметная улыбка раздвинула углы его губ, но, остановившись на Богдане Бельском, глаза его заблестали злым огнем. Бояре заметили недовольство царя и низко опустили головы. Борис тотчас же овладел собой и велел Щелкалову докладывать. В то время когда велся разговор об очередных делах, Борис все думал о приезде дорогого гостя и вскоре, не дав еще дьяку кончить, заговорил:

— Верные мои бояре! Ведомо нам учинилось, что светлейший королевич, брат могучего славного государя датского, скоро прибудет в Москву. Бог не до конца еще на нас прогневался и посылает нам великую радость. Собрались мы здесь, чтобы обсудить, как принять его, дабы не унижить и не посрамить земли Русской перед иноземцами.

— Повели только, государь, и мы, твои рабы, готовы исполнить все! Не только достатки, но и животы наши в твоей да Божьей власти,— подобострастно заметил Шуйский.

— А уж я не пожалею ни мошны, ни труда, на славу выряжу своих челядинцев! У меня богатых нарядов не занимать стать, не ударю лицом в грязь,— добродушно сказал Мстиславский.

— Не в этом только дело,— вздохнув, продолжал царь Борис,— надо нам обдумать, как бы закрыть прорехи поважнее. Не заметили бы иноземцы нищеты, голода, посланного нам свыше за наши тяжкие грехи и беззакония... Прочти, Щелкалов, отписку воеводы Буйносова-Ростовского.

Тот стал читать:

— «Ямские охотники от хлебной дороговизны охудали, лошади у них попадали, московской дороги всех ямов охотники от дороговизны, падежа и большой гоньбы хотели бежать, но Михайло Глебович Салтыков их уговорил перетерпеть; новгородские ямские охотники также хотели бежать, и воеводы, видя их великую нужду, дали им по

рублю на человека, чтобы не разбежались».

Призадумались бояре. До сих пор бессильны были все меры, употребляемые в борьбе со страшным злом. От голода люди мерли во множестве, а развившиеся болезни уносили и состоятельных людей. Все молчали, и Борис грустно задумался, а потом сказал:

— Передайте всем моим царским словом, что кто покажется на улице не нарядным, будет взыскан моим гневом. Служилым людям пусть отпустят одежды из моей казны. Прием и встреча должны быть подобающими его званию и нашему могуществу. Нищим отпущу по деньге, а вы говорите народу, что царь о нем думает и промышляет, где достать хлеба. Ведомо мне, что в Северной земле урожай; пусть потерпят немного, пока оттуда хлеб доставят сюда.

Потолковав еще, царь скоро отпустил бояр. Видел он, что в душе большинство бояр не сочувствуют его радости, что не одобряют они его любви ко всему иноземному, порицают за то, что окружил он себя немцами, приблизил к себе иностранцев докторов. Но царь Борис Федорович был силен на престоле, и это его мало беспокоило. Так и теперь бояре с видом полной покорности и преданности низко поклонились ему, и все отправились одной дорогой до выхода из Кремля.

Мстиславский и Бельский пошли к хлебосольному Шестунову обедать. Там ждал их приятель Богдана Бельского, Акинфий Зиновьев. Когда они пришли, из сеней уже доносился запах съестного: вкусно пахли разные кулебяки и жаркое. Стол был уже накрыт скатертью, и на нем стояли блюда, покрытые крышками. Перед обедом прочитана была задравная молитва за царя. Обычай этот был введен только Борисом, но тем не менее за его исполнением строго наблюдали. Шестунов как хозяин прочел:

— Дай, Боже, царю Борису, единому, подсолнечному, христианскому царю и его царице и их чадам на многие лета здравия, дабы они были недругам страшны.

— Аминь,— сказали все присутствующее, молча принялись за еду и, только утолив голод, стали беседовать.

Первым начал Богдан Бельский:

— Да, Акинфий, видно, и взаправду, кто кого смог, тот того и с ног. Осилит нас Борис и добирается, как бы совсем погубить. Видно, мы ему поперек горла стали.

— Полно, Богдан,— сказал Зиновьев,— не место тут: то и дело мерзавцы снуют да подслушивают.

— Ишь, тоже доброта! Деньги нищим раздает, не ведает, знать, Борис, что не та милостыня, что мечут по улицам,— добра та милостыня, что дана десною рукою, а шуйца не ведала бы.

— Полно, Богдан, удержи ты свой язык,— говорил Зиновьев.

Но Бельский не унимался:

— Зачем вернул он меня с Низу назад? Там я жил — не тужил. Борис был царь в Москве, а я царь в Борисове. Был я тароват, много мощны порастряс, уж и честили меня и любили!..

В конце обеда двое слуг принесли ведерную братину вина, и пока ковшиком наливали себе гости, один из них внимательно прислушивался и не проронил ни одного слова из сказанного Бельским.

Никто из бояр не придавал никакого значения этой речи, многие уже отяжелели после сытного обеда и думали только о том, как бы малость соснуть.

Чтобы гости не утруждали себя разговором, радушный хозяин свистелкой позвал домашнего бахаря и слепцов домрачеев. Первый убаюкивающе-однообразно стал рассказывать житие Алексея, человека Божия, а потом слепцы затанули свои бесконечные песни под аккомпанемент домры. Бояре сладко и долго спали после сытного обеда.

IV

Утро 19 сентября было ясное, безветренное. Солнце, заливая золотистым светом сады, играло на блестящих от не высохшей еще росы крышах. Москва имела праздничный вид. Огнем горели, отражая яркие лучи солнца, купола московских церквей, а колокола торжественно переливались густыми волнами звуков.

Осенний воздух был прозрачен, и отдаленные предметы ясно вырисовывались. Хорошо можно было рассмотреть дорогу, по которой ожидали приезда дорогого гостя. Улицы имели совсем праздничный вид; на них заметно было с самого раннего утра необыкновенное оживление; приставы верхом скакали взад и вперед, приказывая подметать, свозить мусор, прибираться и переключивать приготовленный для построек лес, строго следя за тем, чтобы нищие не показывались и особенно чтобы не носили покойников. В тот год была страшная смертность, и в иной день хоронили до пятисот человек и более. Народ, одетый по-праздничному, стекался со всех сторон на встречу датскому королевичу Иоанну.

По сторонам улиц стояло стрелецкого и солдатского строя войско и теснились любопытные. Стрельцы были в цветных служилых платьях; знамена красиво развевались.

На кровле одной из лавок верхнего овощного ряда стоял капитан солдатского строя с ясачным знаменем. Он должен был подать сигнал, и тогда следовало звонить «в валовые».

Весь путь от Лобного места к Спасским воротам огражден был надолбами, которые для красоты обиты были красным сукном. Дорога королевича шла через Новгород, Валдай, Торжок и Старицу. 18 сентября он ночевал в Тушине, а 19-го подъезжал к Москве. Главная встреча ему была приготовлена на красивой и ровной поляне в семи верстах от города. Там с утра уже находилось несколько тысяч верховых, очень нарядно одетых, бояр и служилых людей, в длинных кафтанах из золотой и серебряной парчи, на лошадях, богато убранных в серебряную и позолоченную сбрую. Собрались не только русские, но и татары, немцы, поляки, находившиеся на службе. Как только заметили подъезжавшего королевича, внимание всех встречавших было обращено

на него и на его свиту.

Светлейший королевич был очень красив и статен. Его открытое, прямое лицо добродушно и приветливо смотрело на собравшихся. Вид у него был добрый и свежий, незаметно было никакой усталости от дальнего пути. Позади него ехали Михаил Глебович Салтыков и дьяк Афанасий Власьев.

Увидев встречающих, Иоанн был тронут и ласково сказал Салтыкову:

— Я еще молод, впервые приезжаю к вам в Москву и обычаев ваших не знаю, но я готов учиться, а вы мне только укажите...

Музыка, игравшая до сих пор, смолкла, и к королевичу подошли окольный Семен Годунов, князь Шестунов и князь Черкасский, а все окружающие на его поклон ответили низким наклоном головы, что выражало высший почет.

После приветствия, сказанного Семеном Годуновым, королевичу приведена была от царя прекрасная серая в яблоках лошадь. Иоанн с видом знатока любовался красивым конем, трепал его по холке и рассматривал его убранство. Седло на нем было серебряное, позолоченное, попона — из кованой золотой парчи, нашейник тоже из золоченого серебра; на нем были два повода. Конь щеголял роскошным убранством — даже на ногах у него надето было нечто вроде браслетов из чистого золота с драгоценными камнями. Все приехавшие гости получили от царя в подарок по коню.

Через час тронулись опять в путь. Торжественно, при звоне в большой колокол, поезд двигался к Китай-городу, где королевичу был отведен довольно обширный дом. Обстановка была приготовлена хотя и непривычная для датчан, но роскошная.

Не успел королевич оправиться после дороги и встречи, как ему доложили, что царь изволит жаловать светлейшего королевича блюдами со своего стола. К обеду королевичу царь прислал сто кушаний на блюдах из чистого и яркого золота, очень больших и тяжелых. На всяком кушанье было еще такое же блюдо для крышки. Присланы были также и разные напитки: пиво, мед, вина и водки в золотых и позолоченных кубках и жбанах.

На другой день царь пригласил королевича к себе в гости. Посланным за ним явился дьяк Афанасий Власьев, богато одетый, с большой толпой русских дворян.

Иоанн тщательно оделся и в сопровождении своей свиты отправился за посланными, которые ехали в большом порядке впереди. Несколько тысяч хорошо одетых и вооруженных стрельцов стояли по обеим сторонам улиц.

На крыльце дворца королевича встретили князя Трубецкие и Черкасские, на лестнице — Василий Иоаннович Шуйский и князь Голицын, а в сенях на рундуке — Мстиславский и Шереметев.

В главной золотой палате королевича встретили царь с сыном. Они были в длинных бархатных кармазинного цвета кафтанах и с головы до ног осыпаны драгоценными камнями. Иоанн подошел к Борису Федоровичу с почтением и понравился всем открытым, ласковым взглядом, приветливостью без подобострастия. Царь принял его очень ласково, а Федор, думая о сестре, любовался статной фигурой жениха.

Королевич заговорил приятным голосом:

— Великий государь царь Борис Федорович! Брат мой, светлейший король датский, объявляет тебе свое христианское и братское, верное и дружеское приятельство, мир и любовь и желает от Всемогущего Бога всегда быть в добром здоровье.

По обычаю, за царя отвечал дьяк Щелкалов:

— Всем Бог украсил нашего великого государя, надо всеми людьми вознес. Велики Его благодеяния, ниспосылаемые нам! Челом бьем, хвалу воссылаем Всемогущему Творцу, что видим тебя в добром здравии! В лице твоём благодарим и светлейшего государя, короля датского, за его приятельство к нам.

После приветствия последовал парадный обед. Царь с сыном и гостем пошли к столу в Грановитую палату, прекрасно расписанную и убранную. Кресло Бориса Федоровича было золотое с позолоченными ступенями; вокруг стола был постлан тканый с золотом ковер. С потолка залы спускался превосходной работы венец с золотыми часами. Посредине возвышался большой четырехугольный столб, на котором сверху донизу понаставлено было множество золотых и серебряных кубков, больших чаш, скляниц и бокалов. Москвичи посудой, видимо, щеголяли, так как и в передней зале было множество золотых и серебряных чаш и блюд; на некоторых изображены были звери. Столовая палата была украшена превосходной лампадой, изображавшей Аполлона, литого, с золотыми крыльями. Другая лампада была так же роскошна и имела вид льва, державшего в лапах змею, а к ней

привешено множество прекрасных канделябров, сплетенных наподобие корзин.

Царю с сыном и королевичем был приготовлен отдельный стол. Русские князья и бояре разместились за другим столом, а люди, приехавшие с королевичем,— за третьим, каждый по своему званию. Были и еще столы для низших русских бояр, немцев, поляков и татар, каждый народ особо, и никто не говорил с иностранцами под страхом лишения царской милости.

Угощение было роскошное, всего в изобилии, всех блюд и не перечесть. Из мясных были тут и жареные тетерева, обложенные лимоном, и заячья голова с мелко искрошенным мясом под нею, баранина в борще и баранина жареная, курица и с красной сладкой подливкой, и с белой кислой, всевозможные пироги: с бараниной, со свиным салом, с яйцами, капустой, творогом; пироги медовые с начинкой из бараньей внутренности. Были целые блюда жареных лебедей, без которых никогда не обходился царский пир. Стольники то и дело разносили кушанья по столам и провозглашали:

— Великий государь царь и великий князь Борис Федорович, всея Руси самодержец, и сын его, царевич Федор, жалуют вас блюдом со своего стола!

Не было недостатка и в винах. Были тут разных сортов вина рейнские, вина церковные, водки. Было пиво поддельное, малиновое, мартовское, был мед сыченый, красный, белый, ягодный, яблочный, вишневый, смородинный, можжевеловый, малиновый, черемуховый, мед с гвоздикой. Был мед хмельной, старый, по десяткам лет выдерживали его в погребах. Вкусны были и браги, квасы яблочные, медвяные, паточные, овсяные, ячные; воды брусничные, гонобобелевые, малиновые.

Долго тянулся обед. Не было слышно ни разговора, ни шума. Королевич скучал и только думал о том, когда же все это наконец кончится. Невесело было и молодому Федору, хотя он и привык так долго сидеть за едой. Но теперь ему хотелось поговорить с Иоанном, с которым он часто переглядывался.

Только Борису обед не казался долгим. Он был занят тем, как бы проделать все по обычаю и не уронить своего величия если и не перед будущим зятем, то перед другими иноземцами.

В конце обеда стали подавать заедки: виноград, арбузные и дынные

полосы, яблоки свежие, яблоки в патоке, в сыте, в квасе, дули свежие, дули в сыте, сливы и вишни соленые, груши, смоквы, финики, рожки, орехи грецкие.

Когда этот очень длинный обед кончился, царь и Федор сняли с себя по золотой цепи превосходной работы, богато украшенной драгоценными камнями, и надели их на шею Иоанну. Борис подарил ему еще много серебряной посуды, дорогой одежды, золотой парчи, несколько сороков дорогих соболей, куниц, рысей, черных лисиц и разных других вещей.

V

Когда жених возвращался в отведенный ему дом, а слуги несли за ним подарки, его невеста, Ксения, пробиралась темными переходами обратно на свою половину. Она торопилась, и за нею еле поспевала ее мать с мамушками. У дверей ее уже ждал Федор и шепнул ей:

— Как ты нашла суженого? Небось такого красавца-удальца и во сне не снилось?

Ксения ничего не ответила, а только, сильно покраснев, обняла брата.

— Правда, сестра, как ему не понравиться? Краше и удалее он всех! Хочу и я быть на него похожим, хочу быть таким же смелым...

— Чего только душа желала, братец, того Бог и дал...

— А как вскочил он на коня-то! Мне даже жутко стало. Не успели ему подставить скамейки, никто еще и у стремени не стал, а он уже взлетел, и конь под ним взвился.

— Заметил ты, братец, какая на нем была шапочка? Батюшкин дар — скарлату червчату с рысьим окладом. Уж и пригож же он!

Долго брат с сестрой говорили о королевиче и не могли им нахвалиться, а Ксения не только уже полюбила жениха, но гордилась им и была счастлива.

Прошло много таких дней, ничего не омрачало ее радости, в семье ее стали баловать еще более. Мать с отцом, исполняя ее капризы, прибавляли:

— Не надолго ведь она нам досталась. Пусть всегда добром вспоминает родительский кров...

С тех пор как приехал жених и Ксения стала невестой, переменилось все и в светлице и в мастерской: помещение девушек приняло праздничный вид, точно и солнце ярче светило; даже и осенняя сумрачная погода казалась светлее и яснее; радостное настроение царского семейства передалось и всем окружающим. Чаще прежнего прибегал сюда царевич Федор, многозначительно, шепотом передавал сестре:

— Сестрица, я от него, твоего суженого. Он здоров и весел, просил кланяться тебе да спросить, не выйдешь ли сегодня в темные переходы.

По шептанию брата с сестрой сенные девушки догадывались, о ком шла речь, и сочувственно помогали, радуясь счастьем своей царевны.

— Аксюша, голубонька, коли ты слышала бы, каково он занятно рассказывает! Он-то не то, что мы, люди темные, много повидал-таки на свете.

— Братец, родненький, попомни обо мне, расскажи-ка мне уж!

— Ладно, ладно, а вот он допытывает все меня о наших распорядках, больно до всего доходчив. Сестрица, королевич сказывает тебе спасибо за твои подарки. Приглянулась ему постель и не налюбуется он на твою мастерскую работу.

— А расскажи, братец, что он делает день-деньской?

— Больно прилежит к книгам — батюшка послал ему азбучник да Апокалипсис.

— Часто гляжу я, Федя, на его рисованный лик — куда же он сам-то супротив его пригожее да краше.

— Вот то же, Аксюша, и он про твой лик сказывает... Заболтался я с тобой, как бы не опоздать к выходу, батюшка прогневается, да и тебе пора...

По уходе брата царевна торопилась в темные переходы, чтобы оттуда следить за королевичем. Иоанн уже знал от Федора, что она тут, близко, и видит его, и сам глазами отыскивал ее, и много говорили эти молчаливые взгляды.

Хорошее время они переживали! Оба были веселы, любимы, молоды, здоровы и с нетерпением ждали свадьбы.

Но не всегда одни только веселые разговоры велись между братом и сестрой. Часто в их мир вривалась внешняя жизнь и на время затуманивала их счастье.

— Сестрица, сестрица, ведомо ли тебе, знамо ли, что твоя сенная девушка Феклуша...

— Говори скорее, братец! Я сегодня еще допытывала, чего Феклуша несколько дней не приходит, особливо в такое горячее страдное время...

— Да она померла, а тебе не велено сказывать... Тоже твоя верховая боярыня Рукавишникова...

— Ох, господи, моей доброй Настасьи не стало!

— Да, сестрица, вокруг мрут, куда ни поглядишь! Вот тоже мой любимый ключарь...

Тут мамушка догадывалась по опечаленным лицам, что ведутся разговоры нежеланные, и тотчас старалась развлечь:

— Чтой-то вы, девоньки, приумолкли? Знать, величать заленились аль песни все спеты?

И, побуждаемые мамушкой, девушки сначала неохотно затягивали величание, но потом сами увлекались и весело раздавалось:

Сокол летит из улицы,
Соколка из проулочка,
Слетались, целовались,
Сизым крыльям обнимались...

Не всегда так легко удавалось развлечь царевну. Раз мамушка и сенная боярыня были очень рассержены поступком Марфуши, одной из любимиц царевны.

Неожиданно для всех вбежала она в мастерскую и заголосила:

— Не стало моего ясного сокола, умер мой ненаглядный, закрылися его ласковые глазыньки, подкосилися резвые ноженьки!..

Все были озадачены, окружили плачущую девушку, а мамушка стала сердито ее прогонять:

— Ступай, ступай, непутевая! Аль забыла, в чьи хоромы залетела? Аль не ведаешь, что строго заказано от больных ходить сюда?

— Оставь Марфушу, мамушка, пускай поведает свое горе,— говорила сквозь слезы Ксения.

— Ох, царевна, осталась я сиротинушка горькая... Как мне не тужить!.. Брат умер, и вся моя семья лежит!.. Горемычные мы, злосчастные! Знать, Бог отстанет — и никто не встанет!

— Перестанешь ли? Полно хныкать!.. Ступай, тебе говорят, ступай! Царица даст тебе ужо на сиротство,— говорила сенная боярыня.

— Бог вам простит, что меня гоните... Слышно вам, как мы песни поем, а не слышно, как воем...

Мамушка ласками да уговорами увела-таки горько плачущую девушку, но и по уходе ее в мастерской долго не могли успокоиться. И многие подумали: «Сохрани Бог, не к добру это! Пронеси, Господи, беду и напасть от царевны...»

Защемило сердце и у царицы от этого происшествия. И целый вечер нельзя было заставить по-прежнему петь девушек. Но на другой день

опять принялись за песни. Вначале звучали они грустно, но потом весело раздавалось:

Недолго веночку на стопочке висети,
Недолго царевне во девушках сидети.

Не так легкомысленно относился ко всему окружающему царь Борис.

Тяжелые минуты переживал он. Он уже не мог больше себя обманывать, думая, что народ благоденствует под его управлением. Голод не прекращался и все становился сильнее; целые селения пустели, вымирали. Приставы постоянно заняты были погребением мертвых; разбои увеличивались. Борис скрывал все эти беды от семьи и еще более страдал, чувствуя себя одиноким. Никому из бояр он не доверял. Только и было у него утешение — предполагаемая свадьба дочери.

— Дожить бы до счастья,— говорил он часто жене,— породниться бы нам с королем датским, друг бы он был надежный.

— Уж и сам-то королевич больно люб нам,— говорила на это царица Марья Григорьевна.— Уж на что выше счастье: согласен он взять удел. Ближе от нас будет Аксюша, недалеко Тверь-то. Надо нам съездить на богомолье к Троице, а там и отпировать свадьбу. Нечего долго-то откладывать...

VI

Насколько веселы были сборы и поездка на богомолье царя и его семейства, настолько печально и неожиданно было скорое возвращение оттуда.

Тот, кто пять недель назад приехал таким бодрым, веселым, здоровым, теперь лежал при последнем издыхании. Не на счастье отпустили его родители, не жену готовила ему Москва, а могилу. Как и месяц назад, вся семья сидела вместе и ждала вестей. Догадывались, что не дождутся ничего хорошего, а все еще надеялись.

— Должно, больно плох королевич,— говорила старуха няня,— видно, не встать ему больше на резвы ноженьки.

— Да, вот беда! — заметила старушка богомолка.— Не жива уж та душа, что по лекарям пошла.

— Говори, говори, нянюшка! Аль узнала, услышала что? — спросила царица Марья Григорьевна.

— Сам батюшка царь, слышь, посетил его. А уж не след православному царю навещать нехрестя-немца...

— Полно, няня, ты опять за ту же песню,— с грустью сказала царевна.

— Знаю, знаю, касатка, что ты изволишь прогневаться на меня, старуху, ну да что делать! Не я одна так думаю, а спокон веку у нас так велось.

— Расскажи-ка лучше, кто был с батюшкой и как он нашел моего суженого?

— Впереди-то батюшки царя несли позолоченный крест, обвитый белым покрывалом, а за крестом шел сам святейший с золотым крестом и таково усердно кропил святою водой и кадил от самого крыльца и до комнаты больного... Да никак и сам батюшка-царь жалуется сюда!

Опять, как и месяц назад, вошел царь Борис на женскую половину, но нерадостен был его приход. Он сильно осунулся и постарел за эти дни и теперь еле двигался, поддерживаемый под руки двумя окольными Годуновыми. Взглянув на него, семья поняла, с какими вестями пришел он.

— Аксюша, любимая дочь моя! Твое счастье и мое утешение

погибло!.. Юноша несчастный оставил мать, родных, отечество и приехал к нам, чтобы умереть безвременно!

Услышав это, Ксения так и грохнулась к ногам отца. Произошла суматоха, стали приводить ее в чувство, лили на голову воду, подносили нюхать жженые перья. Придя в себя, она рыдала, металась и рвала на себе одежду.

— Господи Боже, за что Ты нам посылаешь такие испытания? — в отчаянии вопила Марья Григорьевна.

— Тяжки грехи наши! — говорил Борис.— Бог не внемлет нашей молитве... Уж каких обетов я не давал: хотел освободить четыре тысячи узников, предпринять путешествие к Троице пешком — все напрасно, Иоанн не выжил...

— Не ропщите, не грешите, голубчики,— заливаясь сама слезами, говорила старуха богомолка.— Не старый умирает, а поспелый, ведь молодых-то Господь берет по выбору.

Федор сидел бледный, тупо смотря в одну точку...

— Голубчик мой,— ласкала его мамушка,— на что ты стал похож, как извелся-то ты! Тяжко и тебе за сестру. И впрямь, не тот болен, кто лежит, а кто над болью сидит.

— Люди мрут — нам дорогу трут! — завизжала одна из юродивых, которых много осталось Борису в наследство от Федора Иоанновича.

Все вздрогнули и стали креститься.

— Передний заднему мост на погост. Царь и народ — все в землю пойдет! — выла юродивая.

— Перестань, блаженненькая,— сказал царь,— и так горько...

Лихо не лежит тихо: либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается, как гласит народная пословица. Так случилось и с царем Борисом. На другой день после похорон королевича сидел он у себя в комнате с боярами Годуновыми, Шуйскими, Голицыными и другими. Был он страшно расстроен, да и немудрено: плохие вести дошли до него. Умный Борис дельно рассуждал, пока дело не касалось его личных интересов, а теперь он потерял всякое самообладание.

— Итак, вы говорите, что пленные казаки объявили, что скоро придут в Москву с законным царем Дмитрием Ивановичем? С каким таким царем? Покойники не встают, а этот отрок Дмитрий

четырнадцать лет уже покоится в земле.

— Успокойся, батюшка царь, негоже слушать сказки зломысленных людей! Вот и князь Василий Иванович то же скажет,— сказал Федор Иванович Мстиславский, в то время как в комнату вошел Шуйский, сухой, черствый человек. Лицо его, с длинным горбатым носом, с бегающими глазами, изображало сильное беспокойство.

— С худыми вестями, батюшка царь, к тебе пришел! Слышно, в Литве появился Самозванец.

При этих словах царь Борис еще более сгорбился и беспомощно опустил руки. В эту минуту он был очень жалок.

— Говори, за кого выдает себя этот обманщик? — спросил он, но сам боялся услышать опять страшное имя.

— Да негоже говорит он! Выдает себя за Дмитрия, сына Ивана Васильевича...

Едва только выговорил это Шуйский, как Борис вскочил как ужаленный и неистово закричал:

— Вот, наконец, оно, вот что вышло! Я знаю, это дело изменников и предателей, князей и бояр дело...

Кончить фразы он не смог, у него сделались спазмы в горле, и, побагровев, он бессильно опустился в кресло.

Бояре перепугались, бросились за придворным доктором и, когда пришел лейб-медик Габриель, передали заботы о царе ему. Позвали к нему на помощь еще двух докторов иноземцев. Решили лечить государя метанием руды кровопусканием, что и было исполнено. Как только Борис пришел в себя, он слабым голосом подозвал Габриеля и сказал:

— Предателю моему, самодельному царю Богдану Бельскому, приказываю тебе, Габриель, по волосикам выщипать бороду и отправить на жительство со всей семьей в Сибирь. Не забыл я его похвальбы, что он царь в Борисове.

Никто из бояр не сказал ни слова в защиту товарища-собрата. Только преданный Борису дьяк Тимофей Осипов пробормотал:

— Так ему и надо, больно уж голову задрал, а Бог гордым противится.

Бояре разошлись, сконфуженные, огорченные. Каждый подумал про себя, как бы и до него не дошла беда.

Спаси, Господи, помилуй!

VII

Была темная ночь. Все небо заволочили тучи, и улицы были совсем пусты. Только изредка проходили приставы да слышался шум, крик и пьяные песни в Стрелецкой слободе. Боярин Петр Федорович Басманов, молодой, очень красивый всадник, быстро ехал по направлению к Китай-городу — он спешил из гостей домой. В голове его шумело от выпитого вина и громких разговоров. Несмотря на это, две мысли выступали ясно и ярко: думал он о появлении Самозванца и о предстоящем отъезде в Новгород-Северский на воеводство. В нескольких шагах от себя он заметил дым, а вскоре за тем изнутри дома вырвались наружу огненные языки. Басманов тотчас же сообразил, что это пожар. Раздавшийся набат и подтвердил это.

Ветер сильно раздувал пламя, и когда Петр Федорович подъехал, небольшой деревянный дом уже пылал. Он застал обитателей на улице, полуодетых, слышал их раздирающие душу крики, видел их бесполезную суету. Не успел Басманов сойти с лошади и что-нибудь сообразить, как к нему подбежала молоденькая девушка лет пятнадцати и сказала:

— Добрый боярин, помоги! Наверху осталась больная старуха, ведь она погибнет, задохнется от дыма. Я пробовала пробраться туда, лестница пока еще не занялась, а снести безногую старуху не могу!

Басманов бросился наверх. Вскоре он показался на крыльце, неся худенькую, сгорбленную старушку, к которой бросилась девушка.

— Бабушка, милая, слава богу, ты спасена! Теперь надо перенести ее в дом, — обратилась она к Басманову, — а пока помоги мне ее укутать.

Пока требовали от Басманова подвига, самолюбие его не оскорблялось, но когда девушка обратилась к нему с просьбой незначительных услуг, он возмутился и уже готов был грубо ответить ей, но при взгляде на ее красоту не только не возразил ей, но подчинился. Ее большие темно-серые глаза смотрели на него так ласково. Теперь молодой человек, сам не отдавая отчета, повиновался девушке и смотрел на нее, ожидая распоряжений. Больная тупо улыбалась и глядела на них, не совсем еще понимая, где она и что с ней.

— Куда же нести старушку, укажи только? — спросил Басманов.

Они оба стали помогать ей накинуть на себя телогрею. Занятые этим делом, они хотя и не смотрели друг на друга, но чувствовали взаимную близость.

«Будет заниматься глупостями,— думал Басманов,— еще кто увидит, на смех поднимет». Но стоило девушке посмотреть на него, и он опять стал послушным.

— Боярин, ты поддержи бабушку, а я накину на нее шубейку. Больно холодно, ветер до костей пробирает, а она, бедная, давно сидела все на вышке.

— Да ты-то сама дрожишь! Надень мою ферязь да и пойдем скорее в дом, я отнесу старушку.

Нести было недалеко, да и дорога им показалась слишком короткой. Они дружески разговаривали.

— Не снимай ферязи, кутайся плотнее, запахнись, а мне в одном кафтане удобнее нести.

— Какой ты добрый, хороший! Скажи, как твое имя? Я буду каждое утро и вечер молиться за тебя Богу.

Искренняя похвала простой девушки заставила покраснеть гордого боярина.

— Помолись за Петра. А тебя как звать?

— Липой, а живем мы вот здесь, рядом с большим домом.

— Как это ты попала на пожар?

— Собрались мы с сестрой спать ложиться, уж повечеряли, Богу помолились, стали раздеваться. Я глянула в окно — кругом тучи нависли, того и жди дождь ночью пойдет, а у нас белье на дворе развешано. Разбудила я девку Палашку да и побежала снять. Зачали мы собирать, да как глянула я на дом бабушки Офросиньи, ахнула и, не вспомнясь, бросилась туда.

— Ох, касатка ты моя желанная, болезная, коли бы не ты, сгореть бы мне, старухе, умереть без покаяния!

— Это, бабушка, ведь не я, а все он, Петр. Как по отчеству величать?

— Федорович, Липа.

— Вот мы и дома, вон на крыльце и батюшка и сестрица! Сюда, сюда!

Старик поспешил навстречу и бросился помогать боярину, укоризненно покачивая Липе головой:

— Что ты это, девонька, на себя напялила?